

Виктория Колобова

Подарок к Золотой свадьбе

16+

Виктория Колобова
Подарок к Золотой свадьбе

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Колобова В.

Подарок к Золотой свадьбе / В. Колобова — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

У бывшего агронома совхоза "Родник" С.А. Шаховского при загадочных обстоятельствах жестоко убиты сын, жена сына и ребенок. Шаховской обращается за помощью к частному детективу Н.Ф. Трубникову. Расследование убийства семьи фермера привело Трубникова к трагическому концу.

В июле, августе температура в Ростове-на-Дону часто поднимается к сорока, бывает и выше. В кабинете и в приемной частного детектива Н.Ф. Трубникова постоянно работали сплит-системы. Посетителей не было, слишком жарко. Трубников уже подумывал о том, чтобы закрыть офис и всем составом уйти в отпуск до сентября

– По крайней мере, офис можно закрыть сегодня после трех, все равно никого нет, – думал детектив, просматривая новости в интернете.

Окно было закрыто, но сквозь него доносился слабый шум машин. Его перекрыл натужный рев двигателя, возле офиса остановился драндулет-раритет, выпуская клубы газа на сонных от зноя прохожих. Трубников подошел к окну.

– Сподобился, – подумал он, – дождался клиента. Машина похожа на «Ниву» середины XX века. Клиент – старик в темной в крапинку рубашке и штанах тоже середины XX века. – Трубников тяжело вздохнул, – зарплату секретарю Лене и помощнику Саше платить надо, самому тоже кушать хочется, сплит-системы электричество потребляют, налоги никто не отменяет... А на этого бедолагу с его раритетным автомобилем снова придется работать совсем бесплатно или почти бесплатно. Жаль, что я не закрыл офис на июль и август. Поехал бы к дочери в Севастополь следом за женой. Купался бы сейчас с внуками в море. Слава Богу, что у этого старика на ногах не лапти, а вполне современные туфли. А то бы я подумал, что оказался в каком-нибудь 1960-ом году и ко мне приехал председатель колхоза «Светлый путь». Крепкий старик, колоритный, только чересчур напряженное лицо, видать, случилась беда.

Старик тем временем оказался в приемной. Раздались громкие возражения Лены, быстрые шаги Саши и тяжелая поступь «председателя колхоза». В кабинет все трое вошли одновременно: «председатель колхоза» впереди, за его спиной возмущенная Лена размахивала бланком анкеты, которую обычно заполняют все клиенты. Саша не отставал, но применять силу к идущему напролом посетителю не торопился. Саша прекрасно понимал, что финансовое положение частного детективного агентства, а также его зарплата напрямую зависят от каждого посетителя.

«Председатель колхоза» сел в кресло напротив Трубникова. Достал чистый носовой платок, вытер пот со лба:

– Меня до вас Шульга направил. Шульга Анатолий Владимирович.

– Шульга? – удивился Трубников, – мой первый учитель! Он еще жив?

– 92 года. Сказал, чтоб я на него сослался. Он в Песчанокопском живет. Беда у меня случилась.

Саша сел за свой стол и включил диктофон. Лена приготовила кофе и принесла всем, но «председатель колхоза» отмахнулся:

– Воды бы холодной попить, в горле пересохло.

Лена принесла стакан холодной воды, которую старик выпил залпом.

– Уже почти три недели следствие ведут, а воз и ныне там. Сына моего убили, жену его Тому убили и внука Сережу. Малого-то за что? Мы у себя дома в Запрудне не чувствуем себя в безопасности. Они все трое уже к селу подъезжали, немножко до Запрудни осталось. Доча, – обратился он к Лене, – дай мне еще воды, только стакан побольше.

Лена принесла ему два стакана воды. Он махом выпил один за другим и, немного успокоившись, продолжал:

– Но я говорю сумбурно. Уж очень сильно болит душа. Я же еще не представился. Шаховской Сергей Андреевич – бывший агроном совхоза «Родник», теперь пенсионер. Проживаю в селе Запрудня Песчанокопского района. Мой сын Дмитрий тоже окончил ДонГАУ, что в Персиановке, тоже агроном. Фермерское хозяйство у него. Одной пашни пять гектаров. Пшеницу выращивал, продавал на семена. Очень хорошая пшеница, устойчивая к засухе, он сам сорт вывел, но не запатентовал, не хотел с бумагами возиться. Жена его Томка в школе учительни-

цей начальных классов. Внук Сережа шесть лет. Всех троих убили из пистолета Макарова, об этом уже в местной газете писали. А Сережу перед тем как...

Старик замолчал и, с трудом преодолев себя, уже медленнее продолжил:

– У внука больше 20 ножевых ранений в спину, а потом уже и его убили из пистолета в упор. Они втроем в машине... Сережа в тот день руку сломал. У нас в селе есть больница. Сереже руку перевязали, но рентгена нет. Любовь Ивановна – врач наш сказала, что похоже на закрытый перелом. Дима с Томкой повезли его в райцентр. Из Песчанокского Дима мне позвонил, там подтвердили, что закрытый перелом, предложили малого в больницу положить. Дима отказался. Сказал, что сам будет его через день привозить, чтоб лечили амбулаторно. После поликлиники они втроем возвращались домой. Позвонили мне в начале седьмого, что из Песчанокского выехали. Я спокойно ждал.

Время идет, а их все нет. Уже стемнело, их нет. Звоню, не отвечают. У нас с Димой хорошая машина – иномарка, но одна на двоих. Он на ней поехал. На этой, – Шаховской кивнул в окно, за которым стоял его драндулет, – я редко, это моя старая машина. В начале девятого я поехал их разыскивать. Подумал, что их машина сломалась в дороге, но почему не звонят и на мои звонки не отвечают?

Только от села отъехал, смотрю – машина прямо на дороге стоит. Я даже выругался! Нашел, где остановиться! Иду к ним, ругаюсь, что не там стали, что мне не позвонили, давно бы приехал. А они трое в машине сидят и молчат. Тут уж мне не по себе стало. Дима к окну прислонился, словно уснул. Томка головой к нему прилипла. Сережа на заднем сиденье.

Фонарик в телефоне включил. У Димы лицо в крови, лоб... Пулевое отверстие. В лоб стреляли. Всех троих в упор. Господи! Я чуть рассудком не помутился. А над Сережей перед смертью поглумились. Все спина ножом изранена! А потом и его в упор расстреляли! На дороге никого нет: ни машин, ни людей. Пусто, тихо, темно! Как я только с ума не сошел! Полицию вызвал. Номер долго набрать не мог, руки дрожали. Любовь Ивановну вызвал. Приехала Люба сразу, муж ее привез, а толку? Все трое уже мертвы. Кто это сделал? За что? Почему? Все село в шоке, а я больше всех! Ничего не понимаю.

Они следствие ведут, спрашивают у меня, кто у Димы, у Тома враг, кто зла желал? Никто! Я в Запрудне родился и вырос. Живу в доме, который еще мой дед построил. Всех в родном селе знаю. Всех от мала до велика. И чтобы я про родного сына чего-то не знал? Мы с ним душа в душу жили, секретов друг от друга не имели. Я и сам потом свою и его жизнь пересмотрел год за годом, день за днем. Никого не нашел, кто бы на такое был способен, чтобы всех троих убить и еще перед смертью ножом ребенку спину изранить. Да и пистолета Макарова у нас в селе не бывает. Охотничье ружье бывает, а пистолета нет. Как на исповеди говорю! У нас в Запрудне таких уродов не родилось! Всякие есть: воры, пьяницы, даже один наркоман недавно из тюрьмы вернулся к матери, но таких нет!

– Так, может, это наркоман?

– Нет, не может. Уже год сиднем сидит, ноги отнялись. Я не знаю, кто бы это мог сделать, поэтому к вам приехал. Помогите найти иродов, которые Диму моего, Тому и Сережу убили. Знаю, что полиция ищет. Они пытаются найти убийц в Запрудне, ищут там, где светлее. Нет, если бы убийцы в нашем селе были, я бы их сам нашел, сердцем бы почуял. А так я ничего понять не могу: кто их убил? За что? Ведь не по ошибке же! В упор стреляли! Знаю, что вам платить надо, все оплачу. У Димы пять гектаров пашни осталось, грузовик, трактор... Все продам. Мне-то уже ничего не надо, а наследовать некому. Только бы иродов этих найти, за что они всю семью убили? Димка мой с красным дипломом университет в Персиановке окончил! Сам сорт пшеницы вывел! Землю любил. С техникой сам разбирался. Сам и на тракторе, и на грузовике. Комбайн только нанимал. Бухгалтер у него по совместительству, а так все сам! Со всем управлялся. Я ему помогал и Ленька с Борькой – сестры моей сыновья. По 60 центнеров

с гектара собирали! За что его убили? Кто? А жену и ребенка за что? Сережа кому помешал? Шесть лет мальчишке! Помогите найти. Шульга сказал, что вы точно найдете.

– Саша, – обратился Трубников к помощнику, – пригласи Лену.

Зашла Лена.

– Подготовь два экземпляра договора и счет на 30 тысяч.

Лена ушла.

– Сейчас ознакомьтесь с договором и, если согласны, поставите подпись. Один экземпляр заберете себе. Кроме того, счет, который оплатите в любом банке. Аванс – 30 тысяч рублей, он не возвращается. Дальше – в зависимости от...

– Ничего, я взял с собой деньги, сейчас же и оплачу. Когда вы начнете расследование?

– Считайте, что уже начал. Заполните анкету, укажите адрес. И, пожалуйста, скажите адрес Шульги, я хочу заехать к нему. Я приеду к вам со своим помощником Александром Васильевичем завтра. Мне надо поговорить с жителями села, побывать в доме вашего сына.

– И вы туда же! Чужие убили, чужие! Глупо искать убийц в нашем селе!

– Может быть, вы и правы. Может быть, убийцы находятся далеко от Запрудни. Но начинать надо с Запрудни. Мне надо знать все о вашем сыне и его жене, о ребенке. Особенно последние дни их жизни.

– Согласен. Поживите у меня, поговорите с людьми. А то мне следователь не верит, что у Димы врагов нет. Думает, я что-то скрываю. Нет в моем шкафу никаких скелетов! В селе живем! У нас каждый человек как на ладони, почти все друг другу родня. Ничего я ни от кого не скрываю. Дима...

Про его жизнь узнать хотите? Жил-не-тужил. Работал до кровавого пота. Землю любил, пшеницу любил. Томку любил, сына любил. Томка – хозяйка хорошая. Дом и хозяйство на ней. В школу на работу, потом домой – по хозяйству. Все успевала. Они хорошо жили, не ссорились... Я, по крайней мере, не слышал, чтоб они ругались. Приезжайте, все расскажу, со всеми познакомлю. Говорите с кем хотите, мешать не буду, наоборот, чем смогу, помогу. Свою вас в его дом. Мы с ним вместе строили. Хороший дом на пять комнат, кухня десять метров, ванная. Водопровод есть. Дом кирпичный, снаружи саман. Только и успели в том доме два года пожить, а то со мной жили.

Жена моя в прошлом году умерла. Хоть она не стала свидетелем этого кошмара. Как гром среди ясного неба. А когда закончится? Уже никогда не закончится. Мне с этой болью жить невыносимо, а умереть нельзя пока убийц не найду. За что? Ничего понять не могу! Кто это сделал? За что?

***

Сергей Андреевич уехал. Трубников просмотрел по интернету все, что нашел об убийстве фермера Дмитрия Сергеевича Шаховского. Убийство произошло две с половиной недели назад. Все подробности были даны в первых же сообщениях, больше они не менялись.

«В субботу 11 июля 2015 года примерно в 20 часов фермер Дмитрий Шаховской, его жена Тамара и шестилетний сын были убиты из пистолета Макарова выстрелами в упор, причем шестилетний Сергей незадолго до смерти получил более 20 ножевых ранений в спину. Их обнаружил в машине недалеко от села Запрудня Сергей Андреевич Шаховской – отец Дмитрия. Он вызвал полицию и врача. Все шокированы страшной расправой над семьей фермера.

Рабочие версии: личная месть фермеру или его жене; профессиональная деятельность фермера; профессиональная деятельность Тамары – жены погибшего фермера».

– Если бы это была личная месть фермеру или его жене, – размышлял Саша, – то убили бы только фермера или его жену, ребенок-то здесь при чем? Убили бы из охотничьего ружья, а

пистолета в селе ни у кого нет. Или там есть «черные копатели»? Профессиональная деятельность? Агроном, выращивал пшеницу. Его жена учительница. Самые мирные профессии.

Лена ходила в областную библиотеку и принесла ксерокопии газетных статей, в том числе газеты из Песчанокского района. Из статей узнали все то же самое. У Трубникова не было ни малейшей зацепки, чтобы начать расследование. На следующий день рано утром Трубников и Саша выехали в Песчанокское навестить Шульгу, потом уже в Запрудню. Все равно мимо Песчанокского ехать. Приехали днем. Анатолий Владимирович и его жена ждали их. Трубников обнял своего учителя:

– А вы совсем не изменились! Только похудели.

– Да, брат, живу всем врагам назло! Живу и радуюсь! Ну, ступайте, умойтесь с дороги и к столу. Жена индюшку приготовила. Вкусно! Индюки-то свои у нас. И приготовлено все на огне, а не на газовой плите, такого тебе, брат, даже в самом лучшем ресторане не подадут.

Они умылись, сели за стол. Посреди стола красовались золотистые куски индюшки. Блюдо было очень большое, казалось, что это им всем даже за год не осилить.

– Сколько же ты индюков зарезал? – спросил Трубников.

– Одного. Восемь килограммов мяса!

Его жена Ангелина Степановна засмеялась:

– Вы даже не представляете, какой мне пришлось бой выдержать! Он индюшат купил, сам выхаживал. Бывало, сядет на завалинку, они его обступят, ласкаются, словно котята. Так он горой стоял: «Я своих друзей резать не дам!» Насилу уговорила. Раньше овец держали, сейчас уже состарились оба, но с индюками тоже тяжело. Хотя, все же при деле, да и покушать есть что. Кушайте, пожалуйста.

Действительно было очень вкусно. Огромное блюдо быстро опустело. Трубников спросил, где же сыновья Шульги?

– Саша уехал в Москву, там женился и остался. Ваня в Ростове живет с семьей. Семен в Сальске. Внуков шесть душ. Часто к нам приезжают. Давай выпьем за встречу. Сколько же лет мы не виделись?

– Давненько.

При первом взгляде на Шульгу, на его лошадиное лицо и коротко подстриженные еще густые седые волосы, никто бы не догадался, что в свое время одно лишь тихое упоминание его имени вселяло ужас в сердца преступников. У Шульги не было ни одного нераскрытого преступления. Уйдя в отставку, он вернулся из Ростова в Песчанокское, где родился и вырос. Он выглядел лет на семьдесят.

– Как твоя жена, где сейчас дочь? – спросил Шульга.

– У дочери уже два сына – Леша и Паша, двойняшки. Люда сейчас у них гостит в Севастополе. Наверное, останется и на сентябрь. В школу в этом году пойдут. Юлька долго не могла работу найти. И вот нашла в турфирме. Помогло знание английского. Хочется, чтобы у нее все благополучно было с работой.

– А муж ее где?

– В рейсе. Костя вернется месяца через три. Он моряк.

– Моряк, значит. Я о тебе из газет узнал. Думал, ты все там же. Почему частным сыском занялся, почему из следователей ушел? У частного детектива никаких прав нет! Зачем ушел из органов?

– Прав нет? А я не спрашиваю, сам беру.

– Сам берешь? Я уже давно от дел отошел. Сажу в саду на солнышке греюсь. Только беда у нас случилась. Ты уж извини, что я тебя в это втравил. Только ты один и сможешь.

– Не только я, но и другие смогут...

– Другие не станут. Смогут, но не станут. Ты один без тормозов, другие поостерегутся. Другие если и разберутся во всем, то спустят на тормозах, как часто было в советское время.

– Сейчас не советское время, уже на ковер к первому не вызовут. Нет ни горкома, ни обкома, ни первого секретаря.

– На ковер не вызовут, это точно. Сразу убьют.

Дело настолько серьезное?

– Серьезнее не бывает.

– Кто?

– Чужие. На сто процентов уверен, что чужие. Я тут у себя в саду сижу в кресле-качалке, смотрю на небо, на облака, а сам думаю, про небо, про землю, про жизнь. Следователь Валуев сам ко мне приходил, расспрашивал, о чем я думаю. А я про малого думаю, про Сережу Шаховского. За что? Успел выскочить из машины, пытался убежать?

– Странно, сказал Трубников, но ведь он бы упал от первого же удара! А ты говоришь около двадцати ранений в спину! Откуда столько ножей? Ничего не понимаю. Честно говоря, не верю. Если убили из пистолета родителей, то почему не убили таким же образом ребенка, зачем надо было издеваться над ним? Кто это? Сколько их было? – Трубников удивленно смотрел на Шульгу.

Тот горько усмехнулся, ничего не ответил. Обратился к жене:

– Лина, газету принеси.

– Чудаков? – спросила его Ангелина.

– Да.

Она ушла и быстро вернулась со старой газетой в руке, положила ее на стол перед Трубниковым. Он прочитал:

«8 июля 2009 года на федеральной трассе «Дон» недалеко от города Аксай Ростовской области нашли машину командира нижегородского СОБРа Дмитрия Чудакова. За рулем находился Дмитрий Чудаков, рядом с ним его жена Ирина, на заднем сидении машины – их дети, шестилетний Александр и одиннадцатилетняя Вероника. Все они были убиты. Дмитрия, Ирину и Александра Чудаковых застрелили. Веронике нанесли 37 ножевых ранений, смертельными оказались два – в область затылка».

Трубников отложил газету, не дочитав:

– Я помню, хоть прошло шесть лет. Дело не раскрыто. Но почему ты решил, что те же самые убийцы напали и на семью фермера?

– Я ничего не решил. Девочка получила 37 ножевых ранений, Сережа Шаховской получил 20 ножевых ранений, но ни одно из них не было смертельным. Его расстреляли выстрелом в упор. Может быть, он успел выскочить из машины, побежал? Может быть, он и не убежал вовсе, а садистам доставляло наслаждение глумиться над ребенком? Но почерк похож.

– Было уже темно?

– Наверное, точно никто не знает. Ребенок мог попытаться убежать. Это ведь только очень высокий профессионал сможет. Циркач какой-нибудь или тренер по метанию ножей. Точно говорю, гастролеры. Валуев в Запрудне ищет, зря время теряет. Я Сергею верю, у Димки не было таких злых врагов по жизни. Если у Чудакова одной из версий мотива убийства можно принять его профессиональную деятельность, то у фермера такую версию принимать абсурдно.

– Но ты уже знаешь мотив преступления?

– Нет, Николай, ничего я не знаю, поэтому к тебе Сергея направил. Знаю только одно: убийц надо искать не в Запрудне. Ты выше поднимись.

– Песчанокопское?

– Нет, Николай, нет! Не Песчанокопское, не Ростов! Нет! Повыше поднимись, повыше! Ты же один из лучших аналитиков, поработай головой.

– Да ты не намеками говори, если что знаешь, так и скажи

– Ничего я не знаю. Рад бы сказать, да нет у меня ничего кроме твердой уверенности, что убийц надо искать не в Запрудне и не в Песчанокопском. Уж очень мне за Шаховских обидно и больно. Я лично с ними знаком был, с Сергеем – отцом Димы давно дружу. Да и не только в Шаховском дело. Создан прецедент. На нашей земле хозяйничают чужие. Чужие наших людей убивают.

У нас в Песчанокопском тоже есть свои криминальные или полукриминальные авторитеты. В народе говорят – своя мафия. Если не всех, то почти всех знаю. Они не занимаются ни наркотой, ни оружием. Как правило, легальный или полулегальный бизнес – все та же земля, хлеб. Охраняют свои земли от чужих. Только не подумай, что я их идеализирую. Боже упаси! Но положи руку на сердце, говоря, что они к этому убийству не причастны.

– Ну ладно, отец погибшего фермера. Он очень любит сына, он не верит, что это мог сделать кто-то из села, не верит, что у сына были такие злые враги. Но ты почему идеализируешь Дмитрия? Ангел он был? Жена его тоже ангел? Никаких врагов? Одни друзья вокруг? – удивился Трубников.

– Дима агроном по образованию и по призванию. Он труженик. До кровавого пота работал. Хороший семьянин, любил жену и сына. Я не идеализирую, это правда. Ну а если про грех? Вернемся опять в советское время, когда вся пашня была колхозной, когда и в помине не было никаких фермеров. А в 1992 году исчез совхоз. Самая лучшая пашня оказалась у кого? У бывшего директора совхоза, у бывшего главного агронома, то есть у Сергея Шаховского, с этой пашни страт сделал Дима Шаховской. У кого еще оказалась лучшая пашня, что к селу поближе? У главного инженера, у главного бухгалтера... Как говорится, у хлеба не без крох.

Дали землю и трактористу, только далеко от села, к тому же с оврагом, который каждую весну превращается в реку. А кто не сумел или не успел до кормушки добежать, вовсе без хорошей земли остался. Пай получил и в аренду сдал. Село большое. Более пяти тысяч людей живет, держатся за дом, за хозяйство. Но если работы нет, земли нет, огород не в счет, то плодится нищета и растет обида. Обиженных много. Обижены на бывшее руководство совхоза, значит и на сына главного агронома – Дмитрия Шаховского.

Обида и зависть. Дела у него хорошо шли. Поэтому Валуев и взялся за односельчан Шаховского. Только не они это. Профессиональных убийц среди них нет. Эти если захотят отомстить за несправедливый дележ земли, так пойдут и темную устроят, на том вся месть и закончится. Убивать не станут, злых таких нет. Да и времени уже много прошло, давно уже земля меж людьми поделена.

– И все же начинать надо с Запрудни, не может быть, чтоб никаких следов не осталось.

– Бог в помощь. Я и рад бы помочь, но уже давно от дел отошел, спасибо, что взялся. Удачи тебе, если что надо будет, приходи, звони, хоть днем, хоть ночью.

***

2005 год. Москва. Собрание акционеров компании ООО «Селяночка» и ООО «Зерно». Здесь же представители коммерческого банка «Матрешка» и, конечно, пресса. Председатель акционеров ООО «Селяночка» Вячеслав Михайлович Матвеев выступал перед журналистами недолго, говорил по существу. Многие из журналистов уже знали, что обе компании собираются инвестировать в компанию «Торговый Дом «Агробизнес»», что и произошло спустя неделю. Присутствовали несколько компаний, желающих присоединиться к проекту. В их числе управляющий компании «Village», зарегистрированной на Кипре и специализирующейся на экспорте зерна из России, Белоруссии и Казахстана. Банк «Матрешка» согласился открыть кредит ООО «Селяночка». Кроме того, акционеры вкладывали средства своих компаний, а также свои собственные. В этот же день, но уже после того, как журналисты и другие не участвующие в проекте специалисты ушли, акционеры под председательством Матвеева при-

няли решение о создании еще одной фирмы в офшорной юрисдикции для держания активов и прибыли от Торгового Дома «Агробизнес».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.